

УДК 34

Правосубъектность искусственного интеллекта

Толстов Алексей Станиславович

Аспирант,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2;
e-mail: alex2118.tolstoff@yandex.ru

Аннотация

Прогрессивность научно-технического развития общества привела к активной дискуссии о возможности признания искусственного интеллекта субъектом права. С целью наиболее подробно и эффективно разработать будущие правовые концепции с дальнейшим урегулированием на законодательном уровне необходимо определить правосубъектность искусственного интеллекта и то, кто ответственен за его действия. Прежде всего стоит учитывать, что правосубъектность не исключает способность в будущем обладать субъективными правами и обязанностями, а именно правоспособность, и возможность самостоятельно осуществлять эти права и обязанности, то есть дееспособность. При этом права искусственного интеллекта можно воспринимать в виде некой «абстрактной» концепции, которая, подобно правам человека, будет зависеть от развития всех современных государственных институтов, исходя из национальных особенностей каждой страны, что, безусловно, будет влиять на совершенствование «объема прав» виртуальных систем, способных к самоконтролю. Кроме того, изучение вопроса правосубъектности относительно интеллектуальных систем позволит расширить понимание сущности субъекта в качестве одной из фундаментальных категорий в теории права. От выбранной модели правосубъектности будет зависеть решение всех вопросов, касающихся применения искусственного интеллекта. Именно выбор правильного варианта поведения будет способствовать решению проблем ответственности за совершенные интеллектуальной системой действия, в частности в области незаконного использования и распространения личных данных пользователей информационной сети Интернет.

Для цитирования в научных исследованиях

Толстов А.С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 11А. С. 267-273.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, субъект права, правосубъектность, концепция.

Введение

Большинство юристов и ученых стали высказывать много теорий об объеме прав искусственного интеллекта. Однако у авторов нет единого мнения, так как часть ученых-юристов высказываются против данной концепции. К примеру, авторы Р.И. Дремлюга и О.А. Дремлюга признавали правосубъектность человека как естественное явление, прорабатываемое на законодательном уровне и в юридической литературе в течение долгого времени людьми для людей, основанное на потребностях общества, что исключает признание правосубъектности у искусственного интеллекта в силу отсутствия схожих потребностей [Дремлюга, Дремлюга, 2019] и таких качеств, как сознание, эмоции и чувства, наличие желаний или предпочтений. Проявление интереса к тому или иному предмету всего лишь является подражанием человеку, искусственный интеллект действует согласно определенному алгоритму поведения в заданной ситуации.

Основная часть

Определение объема прав станет крайне затруднительным в случае, если у искусственного интеллекта появится возможность создания объектов интеллектуальной собственности. Поэтому искусственный интеллект целесообразно представить в качестве основного объекта в сфере робототехники и кибернетизации, а в роли субъектов выступают владельцы, разработчики и спонсоры, финансирующие создание роботов, программ или целых кибернетических систем, согласно мнению авторов А.В. Незнамова и В.Н. Наумова [Незнамов, Наумов, 2018]. В противовес данному мнению Гадис Гаджиев, судья Конституционного Суда Российской Федерации, отмечал отсутствие причин вводить раздел об искусственном интеллекте в Конституцию Российской Федерации [Конституция не будет защищать искусственный интеллект — судья КС Гаджиев, [www](http://www.kccrf.ru)].

Однако есть авторы, поддерживающие возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Например, Филип Майа Александре считает, что законодательно стоит закрепить моральное право искусственного интеллекта на получение правосубъектности, когда его работа проходит в автономном режиме и при этом уже имеют наработанный в процессе выполнения задач субъективный опыт [Alexandre, 2017] решения поставленных перед ним задач. Признание прав и обязанностей за искусственным интеллектом в силу особенностей компьютерной программы или виртуальной системы может быть определено человеком вне зависимости от проработанности системы, так как алгоритм работы улучшается и становится более совершенным, имитируя человеческие когнитивные способности более правдоподобно, например умение осознавать сложные концепции и принимать решения самостоятельно, без контроля человеком [Wurah, 2017].

Часть ученых считают, что прогрессирующие программы, обладающие искусственным интеллектом, смогут получить правосубъектность, что обеспечит им способность становиться участниками гражданских правоотношений и нести юридическую ответственность самостоятельно, при этом создатель интеллектуальной компьютерной программы понесет субсидиарную ответственность. Наличие правосубъектности будет в цифровой форме, которая имела бы охранительную и регулятивную функции, что потребует принятия отдельного законодательного акта и создания механизма защиты при нарушении в сфере кибернетизации.

В научной литературе был сформулирован подход, который предполагал законодательно

закрепить идентичный «вещам» в гражданском праве статус искусственного интеллекта. Развивая данную теорию, часть исследователей пришли к выводу о распространении на искусственные системы правового режима животных, исходя из такого основополагающего критерия, как автономность действий. Данного рода аналогия права имеет ограниченное применение, так как применение подобной концепции возможно лишь в отрасли гражданского права, согласно статьям 137 и 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, 1994].

В поддержку данной теории авторы В.В. Архипов и В.Б. Наумов отмечают, что трактование норм о животных к компьютерным интеллектуальным системам возможно только частично, указывая лишь на схожесть признаков искусственного интеллекта и животного. Однако положения о запрете жестокого обращения по отношению к искусственному интеллекту применять не представляется целесообразным в силу отсутствия способности испытывать и переживать эмоции [Архипов, Наумов, 2017]. Исследователи в области изучения компьютерных интеллектуальных систем отмечают нормы о защите искусственного интеллекта от так называемого жестокого обращения, но подобный принцип отчасти может быть закреплен с целью защиты человеческих ценностей в первую очередь.

Некоторые авторы предполагают иную позицию, согласно которой искусственный интеллект будет иметь двойственный статус, то есть одновременно его статус можно охарактеризовать как в качестве объекта, так и в качестве субъекта права в зависимости от характера правоотношений. Достоинства указанного выше подхода заключаются в обеспечении гибкости и возможности выбора определенной модели поведения для работа с «искусственным разумом» при решении вопроса о правосубъектности. К отрицательной стороне подобной теории можно отнести возникновение новых проблем, касающихся разграничения субъектно-объектных отношений, что еще больше усложнит механизм ответственности за действия искусственного интеллекта и вызовет трудности в законодательном плане – правильно сформулировать полный статус современных электронных компьютерных систем.

Предполагается возможным, что наиболее эффективным вариантом наделения искусственного интеллекта правосубъектностью станет, по мнению некоторых юристов, процесс установления идентичности правового статуса интеллектуальной системы и человека, основываясь на антропологическом понимании субъекта права как живого существа, состоящего в обществе и соблюдающего определенные нормы и парадигмы. Критика концепции также небезосновательна. Например, по мнению М. Бенасайяга, искусственный интеллект не является человеком или его абстрактной составляющей, за которой стоит человек, права носят вторичный, производный характер [Бенасайяг, 2018]. Идентификация человека и разумной машины в наделении идентичной правосубъектностью в современных реалиях некорректна. На сегодняшний день существует минимальное количество концепций по наделению правосубъектностью искусственного интеллекта, потому что все компьютерные программы являются объектами права интеллектуальной собственности, согласно содержанию статьи 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Программы ЭВМ в качестве совокупности данных, позволяют эффективно функционировать всем компьютерным программам», но подобная формулировка не охватывает все особенности электронных цифровых систем .

Говоря о современной международной идеи о развитии или наделении искусственного интеллекта авторскими правами, стоит отметить, что в рамках отдельных государств продвигаются глобальные концепции. Например, в 2016 году Япония продвигала

Стратегическую программу по интеллектуальной собственности [Intellectual Property Strategic Program 2016, 2016], основанную на нескольких положениях, одно из которых предполагает создание новой инновационной идеи об обязательном наделянии искусственного интеллекта авторскими правами, что положительно повлияет на экономику и культуру государства. Японские ученые и юристы полагают, что необходимо тщательное законодательное регулирование в сфере защиты интеллектуальной собственности в условиях развития цифровых и кибернетических технологий, так как зачастую не всегда можно определить, кем было создано произведение: человеком или виртуальной системой искусственного интеллекта. Главная проблема, связанная с определением ответственности автора произведения, получила должное внимание в 2021-2023 годах в связи с развитием NFT (с англ. Non-fungible token), так как многие инвесторы и крупные финансовые компании осознают уникальность искусственного интеллекта, в особенности его плотное взаимодействие с человеком, поскольку виртуальные системы могут активно влиять на создание объектов интеллектуальной собственности: на основе данной системы создаются платформы, на которых возможны шаблоны, структуры и текстуры для обработки, хранения, распространения и обмена работами, генерацией которых занимается цифровая информационная система.

Вместе с вопросами о наделянии правами искусственного интеллекта существует проблема определения уровня ответственности, и в рамках данного вопроса было разработано несколько критериев привлечения к ответственности, самые актуальные из них следующие:

- Концепция, при которой «думающая» компьютерная система будет рассматриваться как предмет совершения правонарушения, а виновным лицом может быть признан создатель виртуальной системы.
- Действия машинного интеллекта могут привести к нарушению права или материальному ущербу, однако система будет вправе самостоятельно определить свои операции как логически верные. В данной ситуации ответственность будет нести разработчик программы подобной системы, который мог допустить ошибки при программировании.
- Искусственный интеллект будет нести ответственность за свои действия самостоятельно, как субъект правоотношений.

К сожалению, в данный момент выбрать наиболее правильную модель привлечения к ответственности за правонарушения в сфере информационных технологий невозможно в силу недостаточной проработки данного вопроса на законодательном уровне. Сложности вызывает процедура доказывания причинно-следственной связи между виновным лицом и понесенным материальным ущербом, не говоря уже об определении ответчика.

При установлении гражданско-правовой ответственности разработчика как основного субъекта, отметим, что его вина связана с задачами, областью применения машинного интеллекта, которые нарушают ограничения, вводимые при разработке. Производители программного обеспечения для работы искусственного интеллекта привлекаются к ответственности при выявлении дефектов, которые возникли в программном коде виртуальной системы, что невозможно было предусмотреть при разработке. Особенность гражданско-правовой ответственности как производителя, так и продавца обуславливается качеством предоставляемого потребителю товара, что регулируется нормами законодательства в сфере защиты прав потребителей, и объемом информации о техническом содержании кибернетической программы. Владелец и пользователь «думающей» компьютерной системы ответственны за те действия, которые могут представлять значительную угрозу международной информационной безопасности, что следует урегулировать путем устранения

пробелов в области гражданского законодательства и в области информационной безопасности на территории Российской Федерации.

Установление административно-правовой ответственности при применении программы с самостоятельным искусственным интеллектом будет иметь характерные особенности:

- преодоление проблем правовой квалификации правонарушений, связанных с особым субъектным составом и технологической особенностью искусственного интеллекта, например, при нарушениях правил дорожного движения, несоблюдении принципов и правил обработки персональных данных;
- необходимость закрепления новых специальных составов, связанных с особенностями области искусственного интеллекта, таких как технологии производства и правила эксплуатации и нарушение этих обстоятельств.

В случае разработки закона, предусматривающего ответственность у компьютерных вычислительных систем, крайне важно уделить внимание и деликтной ответственности, которая была бы стимулом для искусственного интеллекта к попытке самостоятельно оценить собственные действия с точки зрения причинения имущественного вреда, и если в данной ситуации сам искусственный интеллект будет признан объектом, а не субъектом, то возложение ответственности возможно по следующим сценариям:

- Владелец устройства, которое способно обладает искусственным интеллектом и способно самостоятельно функционировать в «виртуальном мире»;
- К деликтной ответственности будет привлечен разработчик программы, допустивший ошибку в программном коде или специально разработавший вредоносную программу. Однако определения критерия для привлечения к ответственности недостаточно, на законодательном уровне следует закрепить систему регистрации искусственного интеллекта и возможность понесения субсидиарной ответственности, например виновными будут признаны создатель программы, его настоящий на момент совершения правонарушения владелец или иное лицо.
- Оператор, взявший на себя обязанности по контролю действий компьютерной цифровой системы, понесет деликтную ответственность.

В качестве облегчения идентификации искусственного интеллекта можно опираться на суждение О.А. Ястребова, предлагающего ввести понятие «электронный индивид» [Ястребов, 2018]. В свою очередь, автор П.М. Морхарт считал необходимым «предусмотреть для искусственного интеллекта права и обязанности и позволить ему проводить оценку собственных правовых действий, исходя из особенностей национальной правовой системы, в которой действовал искусственный цифровой разум» [Морхарт, 2018].

Заключение

Таким образом, законодательно важно предусмотреть возможность обжалования человеком действий «думающей» компьютерной системы, если они каким-то образом затрагивают его охраняемые законом права и интересы. Наиболее затруднительным при определении правосубъектности является соблюдение этических норм, запрета на дискриминацию и пресечения противоречия действий искусственного разума интересам как отдельных социальных групп, осуществляющих свою деятельность в определенной сфере, так и всего общества в целом.

Библиография

1. Алексеев С.С. Государство и право. М.: Юрист, 1994. 192 с.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.
3. Бенасайяг М. Мышление за пределами мозга // Искусственный интеллект: перспективы и угрозы. Курьер ЮНЕСКО. 2018. С. 15–18. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002652/265211r.pdf>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120-125.
6. Конституция не будет защищать искусственный интеллект – судья КС Гаджиев. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292414283.htm.
7. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-73.
8. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69-89.
9. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36-55.
10. Alexandre F.A. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control // SSRN Electronic Journal. 2017. P. 18.
11. Intellectual Property Strategic Program 2016. 79 p.
12. Wurah A. We hold these truths to be self-evident, that all robots are created equal // Journal of Futures Studies. 2017. Vol. 22. No. 2. P. 61-74.

Legal personality of artificial intelligence

Aleksei S. Tolstov

Postgraduate Student,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2 Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alex2118.tolstoff@yandex.ru

Abstract

The progressiveness of scientific and technological development of society has led to an active discussion about the possibility of recognizing artificial intelligence as a subject of law. In order to develop future legal concepts in the most detailed and effective way with subsequent regulation at the legislative level, it is necessary to determine the legal capacity of artificial intelligence and who is responsible for its actions. First of all, it is worth considering that legal capacity does not exclude the ability to have subjective rights and obligations in the future, namely legal capacity, and the ability to independently exercise these rights and obligations, that is, legal capacity. At the same time, the rights of artificial intelligence can be perceived as a certain "abstract" concept, which, like human rights, will depend on the development of all modern state institutions, based on the national characteristics of each country, which will certainly affect the improvement of the "scope of rights" of virtual systems capable of self-control. In addition, studying the issue of legal capacity in relation to intelligent systems will expand the understanding of the essence of the subject as one of the fundamental categories in the theory of law. The solution to all issues related to the use of artificial intelligence will depend on the chosen model of legal capacity. It is the choice of the correct behavior

Aleksei S. Tolstov

that will help solve the problems of liability for actions committed by an intelligent system, in particular in the area of illegal use and dissemination of personal data of users of the Internet information network.

For citation

Tolstov A.S. (2024) Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta [Legal personality of artificial intelligence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (11A), pp. 267-273.

Keywords

Artificial intelligence, subject of law, legal personality, concept.

References

1. Alekseev S.S. (1994) *Gosudarstvo i parvo* [State and Law]. Moscow: Yurist Publ.
2. Alexandre F.A. (2017) The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control. *SSRN Electronic Journal*, p. 18.
3. Arkhipov V.V., Naumov V.B. (2017) O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovanii razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti [On Some Issues of Theoretical Foundations for the Development of Legislation on Robotics: Aspects of Will and Legal Capacity]. *Zakon* [Law], 5, pp. 157-170.
4. Benasayag M. (2018) Myshlenie za predelami mozga [Thinking Beyond the Brain]. *Iskusstvennyi intellekt: perspektivy i ugrozy. Kur'er YuNESKO* [Artificial Intelligence: Prospects and Threats. The UNESCO Courier], pp. 15–18. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002652/265211r.pdf>.
5. Dremlyuga R.I., Dremlyuga O.A. (2019) Iskusstvennyi intellekt – sub'ekt prava: argumenty za i protiv [Artificial Intelligence – a Subject of Law: Pros and Cons]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2, pp. 120-125.
6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3301* [Collected Legislation of the Russian Federation. Art. 3301], 32.
7. *Intellectual Property Strategic Program 2016*.
8. *Konstitutsiya ne budet zashchishchat' iskusstvennyi intellekt – sud'ya KS Gadzhiev* [Constitution Will Not Protect Artificial Intelligence – Constitutional Court Judge Gadzhiev]. Available at: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292414283.htm.
9. Morkhat P.M. (2018) Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoe litso [Artificial Intelligence Unit as an Electronic Person]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2, pp. 61-73.
10. Neznamov A.V., Naumov V.B. (2018) Strategiya regulirovaniya robototekhniki i kiberfizicheskikh sistem [Strategy for regulating robotics and cyber-physical systems]. *Zakon* [Law], 2, pp. 69-89.
11. Wurah A. (2017) We hold these truths to be self-evident, that all robots are created equal. *Journal of Futures Studies*, 22 (2), pp. 61-74.
12. Yastrebov O.A. (2018) Pravosub'ektnost' elektronnoego litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Legal capacity of an electronic person: theoretical and methodological approaches]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 13 (2), pp. 36-55.